

ЗАЩИТНАЯ МАГИЯ АННЫ ОРЛОВОЙ

Дюжина лазеек

Аромагия. Книга 1

Аромагия. Книга 2

◇→→… АННА ОРЛОВА …←←◇

АРОМАГИЯ

КНИГА 2

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление — А. Зинина

Орлова, Анна.

О-66 Аромагия. Книга 2 / Анна Орлова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-167728-2

В Хельхейме, краю вечных снегов, назревает буря. Равновесие между хель, драконами и людьми уже непрочно, как весенний лед.

Казалось бы, чем тут может помочь хрупкая женщина, пусть даже аромаг? Никакие настойки не утолят людской жадности, никакие масла не умягчат злых сердец.

Но иногда одна крошечная песчинка может застопорить жернова.

Остановить эпидемию хель? Раскрыть заговор? Найти убийцу?

Не в одиночку, конечно, — всегда рядом юный ординарец Петтер и ледяной дракон Исмир, — но все же!..

Страшно, милосердные боги, как же Мирре страшно!

Только вот делать нечего. Второй шанс на счастье придется вырвать у судьбы с боем.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-167728-2

© Орлова А., текст, 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

ЧЕМ СЕРДЦЕ УСПОКОИТСЯ?

— Нет, — прошептала я непослушными губами. Мы едва вырвались из той бури, и во второй раз нам не спастись! Петтер тут же задвинул меня себе за спину — смело, хоть и глупо. Дракон сверху, а не впереди, к тому же он настолько велик, что даже не заметит столь мелкое препятствие.

Помахивая крыльями, он завис перед нами, и я готова была поклясться, что обнажившая впечатляющие зубы гримаса была улыбкой. С каждым взмахом он опускался все ниже и ниже, пока не кувыркнулся в воздухе... в перекате приземляясь уже человеком.

— Вы меня боитесь, Мирра? — поинтересовался Исмир с усмешкой, и к щекам моим прилила кровь.

— А у нас нет для этого причин? — холодно уточнил Петтер.

Глаза Исмира полыхнули льдом.

— Причины имеются, — признал он неохотно. — Приношу свои извинения. Я получил неприятные известия из дома, поэтому вспылил.

На языке вертелся вопрос, какое мы с Петтером имели отношение к его новостям. Разумеется, задавать его я не стала. А едва Петтер открыл рот (надо думать, чтобы спросить о том же), как я коснулась рукава его шинели.

— Мы принимаем ваши извинения, — согласилась я негромко. — Однако сейчас есть более важные дела.

Исмир помрачнел.

— Вы об этом? — он мотнул головой в сторону тела. Я молча кивнула. Следующий вопрос Исмира заставил меня... кристаллизироваться и выпасть в осадок, как говаривал мой дедушка. — Это вы его убили?

Я сама не поняла, как оказалась прямо перед ним.

— Как вы смеете?! — прошипела я, заноса руку для пощечины. Разумеется, он легко перехватил мое запястье.

— А что еще я должен подумать? — В тихом голосе льдинками звенело напряжение. — Вы непонятно как оказались здесь, при этом ваш клевет что-то забрал от тела и передал вам...

— Я потеряла здесь сережку, — призналась я. И, видя его вопросительно выгнутую бровь, поторопилась уточнить: — Наверное, во время дуэли! Мы ведь уехали, еще когда здесь была уйма народа! А вернулись... — На мгновение я замялась, потом подняла подбородок. — Впрочем, вы сами знаете, когда мы сюда вернулись! Я не специалист, но насколько могу судить, тело уже остыло, а даже при такой погоде на это потребовалось какое-то время... К тому же какой резон мне его убивать?!

Бледно-голубые глаза Исмира смотрели на меня пристально, будто стараясь не упустить тень вины.

— Возможно, с ним у вас *тоже* был роман?

Вопрос дракона хлестнул меня наотмашь.

— Да как вы?! — выдохнула я, пытаясь вырвать кисть из тисков его рук. Бессильные злые слезы наворачивались на глаза. За что он так со мной?! Я глубоко вздохнула, успокаиваясь, и проговорила, чеканя слова: — Ни я, ни Петтер господина Фритрика не убивали, в этом я могу вам поклясться! Более того, у меня *ни с кем* нет романа!

— Вот как? — иронично поинтересовался Исмир, заставляя меня вспомнить...

— Именно так! — подтвердила я сухо. — А теперь будьте добры, отпустите меня.

Исмир опустил взгляд, словно лишь сейчас обнаружив, что по-прежнему сжимает мое запястье... и медленно поднес его к губам. Деликатный аромат сандала обнял меня пуховой шалью, отгоняя невыносимый смрад смерти, и я глубоко вздохнула, вновь наслаждаясь возможностью дышать полной грудью.

— Оставьте госпожу Мирру в покое! — вырвал меня из оцепенения звенящий яростью мальчишеский голос.

Я вздрогнула, обнаружив, что Петтер замер прямо у меня за спиной.

— А иначе что?

Взгляд дракона вдруг показался мне темным и холодным, как вода в полынье.

— Прекратите! — попросила я громко. — Господин Исмир, будьте так любезны, слетайте в Ингойю и привезите инспектора Сольбранда. Без полиции здесь не обойтись.

Я опасалась, что Исмир пожелает сам заняться расследованием, но нет.

— Как изволит прекрасная госпожа, — слегка поклонившись, иронично ответил он. И, отойдя в сторону, изобразил пальцем в воздухе какой-то символ. Льдисто-голубая вспышка... и вот уже дракон набирает высоту. От крыльев его веяло холодом, и я поежилась, мечтая поскорее оказаться в «Уртехюсе». А ведь можно было поступить иначе — оставить Исмира сторожить тело, а самим поехать в город! Я отругала себя за несообразительность, однако поздно: дракон уже превратился в белую точку на горизонте.

— Пойдемте в машину, госпожа Мирра. — Голос Петтера звучал как-то странно и напряженно, но у меня уже не осталось сил об этом задумываться.

— Пойдемте, — согласилась я и сосредоточилась на том, чтобы переставлять ноги. Это оказалось неожиданно трудно, словно к моим сапожкам привязали невидимые гири. Петтер придерживал меня за локоть, не давая упасть, а потом помог усесться. — Благодарю!

Он только кивнул.

Время до появления полиции прошло в тягостном молчании. Пару раз я пыталась заговорить, но мальчишка отвечал односложно и явно неохотно, так что в итоге я оставила его в покое и закрыла глаза.

— Просыпайтесь, Мирра! — вывел меня из сонного оцепенения голос Исмира.

Я с трудом разомкнула веки и попыталась сфокусировать взгляд. Перед глазами все плыло, будто в тумане. За этот день столько всего произошло, что у меня решительно не осталось сил.

— Я не сплю, — отозвалась я, и собственный голос показался мне слабым и хриплым.

— Не проговоритесь о серье, — шепнул Исмир, склонившись ко мне. — Вы поняли?

— Да, — согласилась я, — но...

— Для пояснений мало времени, — оборвал меня он. Пахло от него смолисто-терпким эвкалиптом. — Я ничего не скажу, ваш пес — тоже. И вы молчите. Понятно?

— Разумеется, — согласилась я, от удивления окончательно проснувшись. От Петтера вполне можно было ожидать попытки меня защитить, но Исмир... Пожалуй, это следовало обдумать.

Он стремительно направился к стоящему поодаль инспектору Сольбранду, который внимательно его выслушал, кивнул и, в свою очередь, подошел ко мне.

— Голубушка, вы как? — спросил он участливо. — Можете ответить на несколько вопросов?

— Конечно! — Я украдкой потерла глаза и огляделась. Петтер обнаружился у скалы в компании леденцов, там же уже виднелась светло-пепельная макушка Исмира. Соленый морской ветер и въевшийся в обивку салона аромат крепкого кофе приглушали неприятный запах.

Инспектор помог мне выйти из машины. Я поежилась на холодном ветру и предложила:

— Что же, спрашивайте!

— Расскажите-ка мне, голубушка, все без утайки! —

Он хитро улыбнулся, отчего у глаз собрались смешливые морщинки, а меня накрыло ощущение ирреальности происходящего. Там, у скалы, лежит обезображенное тело, а мы все продолжаем жить, дышать, улыбаться. Как-то это... неправильно? Только глупо говорить об этом инспектору — для него это всего лишь работа.

Я вздохнула и начала рассказывать...

— Вот так-так, — задумчиво проговорил он, когда я умолкла. Пристальный взгляд его не по возрасту ярких глаз не отпускал меня ни на секунду. Инспектор по-птичьи склонил голову к плечу, ущипнул себя за мочку уха и сообщил с усмешкой: — Вот ведь, голубушка, как вам не везет! Где какая напасть случается, так сразу и вы там!

— Совпадение, — пожала плечами я, стараясь держаться спокойно.

— Да-да! — подтвердил инспектор и укоризненно покачал головой. — Вы уж поберегите себя, голубушка!

И посмотрел так лукаво, что оставалось лишь согласиться:

— Конечно, инспектор. Я постараюсь.

— Постарайтесь, постарайтесь! — Он веско поднял палец и скомандовал ворчливо: — Хватит вам тут бродить, голубушка! Поезжайте-ка домой, быстренько! Поужинайте, выпейте чего-нибудь и отдохните!

— С удовольствием, — завершила я, уже предвкушая тепло камина и горячую пищу. — Только мне нужен Петтер.

— Да забирайте своего Петтера! — отмахнулся инспектор. — Вы усаживайтесь, сейчас я его пришлю.

И, не слушая слов благодарности, он отправился к леденцам. Признаюсь, приближаться к телу мэра не хотелось нисколько, даже из любопытства. Меня и так наверняка будут терзать ночные кошмары!

Надо думать, мальчишка тоже не горел желанием играть в сыщика. По крайней мере, появился он очень быстро. Только был хмур и на меня даже не глянул.

— Куда? — поинтересовался он коротко, не отрывая взгляда от кожаной оплетки руля.

— Домой! — сообщила я, вложив в это слово столько чувства, что он усмехнулся. — И, Петтер, позвольте вас поблагодарить. За помощь, заботу и понимание.

— Не за что, — ответил он сухо, заводя двигатель.

— Есть за что! — запротестовала я и призналась честно: — Без вас я бы не выдержала. К тому же... вы ничего не сказали полиции о сережке. Спасибо, Петтер!

Он мотнул головой. Пахло от него странно — наша-тырем с пряно-сладким анисом — трезвой решимостью.

— Пожалуйста. — Петтер смотрел на дорогу перед собой.

Мне оставалось лишь пожать плечами и сделать вид, будто меня чрезвычайно интересует пейзаж за окном...

Дверь открыла Уннер, что вполне меня устраивало.

— Госпожа, вы опаздываете к ужину, — бесцветно сообщила она.

Войдя в дом, я замерла, наслаждаясь теплом и уютными ароматами шоколада, коньяка и апельсина.

— Ингольв уже дома? — поинтересовалась я, с помощью Петтера освобождаясь от верхней одежды. Горничная промолчала, глядя в пол. — Уннер! — повысила голос я.

— Да, госпожа? — заторможенно откликнулась она.

— Ингольв дома? — повторила я, снимая шляпу.

— Нет, госпожа. — Она сделала неловкий книксен. — Господин сообщил, что к ужину не придет. И приказал Петтеру сразу явиться к нему.

— Вот как? — Не знаю, обрадовало меня это сообщение или огорчило. С одной стороны, не хотелось выслушивать нотации от мужа (а без них наверняка

бы не обошлось!), а с другой — столь откровенное пренебрежение меня нервировало. Зато общество свекра, не сдерживаемого присутствием Ингольва, весьма бодрит! Я усмехнулась и отправилась приводить себя в порядок...

Откровенно говоря, у меня отчаянно слипались глаза. О каком аппетите могла идти речь, когда хотелось, не раздеваясь, упасть на постель и забыться сном до утра? Поймав себя на этой мысли, я решительно отправилась в ванную. Поплескала на лицо ледяной водой и, надев на шею аромамедальон (полый камушек на цепочке), накапала в него масла розмарина.

Горьковато-пряный аромат сразу меня освежил, даря восхитительную ясность мыслям. Осталось приколоть к платью свежий кружевной воротничок, протереть лицо льдом из отвара ромашки и липы, и можно спускаться вниз.

В столовой обнаружился свекор, который увлеченно разгадывал кроссворд и не изволил заметить меня.

— Приятного аппетита, господин Бранд! — пожелала я, аккуратно присаживаясь на краешек стула (пришлось отодвинуть его самой!).

Свекор в ответ буркнул что-то неразборчивое. Я без труда угадала в этом теплом напутствии: «Чтоб ты подавилась, дорогая невестушка!» — и искренне умилилась. Есть в этом бушующем мире хоть что-то неизменное!

Вторым столпом стабильности была Сольвейг с вечно кислым лицом и не менее кислым запахом. Откровенно говоря, не понимаю, отчего она всегда и всем недовольна? Неужели в нашем доме ей так плохо живется? Впрочем, при желании можно найти уйму досадных мелочей, из которых несложно сотворить целого слона.

Я же сознательно предпочитала замечать вещи приятные и необременительные: вкус тушеного мяса с имбирем и булочек со свежим маслом, кружево теней за окном и морозные узоры на стеклах. Да, в этой жизни

немало неприятных вещей, однако ведь и приятных не меньше!

Взять хотя бы аромат, которым сейчас тянуло от свекра: нежнейшее благоухание можжевельника и степных трав. Так пахнет свобода, когда хочется обнять весь мир и взлететь высоко-высоко, туда, где ветер играет облаками...

Вот только в столовой было прохладно (надо думать, опять экономят дрова!) и из углов тянуло сыростью. Глупо. Можно подумать, регулярно менять плесневелые обои дешевле, чем хорошо топить!

Мои хозяйственные размышления прервало появление Сольвейг.

— Господин Бранд, вас спрашивает некий господин Бьюдер, вот его карточка.

Свекор взял протянутый кусочек картона опасливо, словно ядовитую змею. Я невольно передернулась (не стоило вспоминать о рептилиях!) и принялась с интересом. Вот теперь от господина Бранда пахло совсем иначе: дешевым вином, яблочным пирогом и еще, пожалуй, дегтем. Где-то на самой грани восприятия тлел табак.

— Зови, — кратко велел он, бросив на меня взгляд исподлобья, и стиснул челюсти.

Хм, любопытно. Кто такой господин Бьюдер и отчего мой свекор столь странно отнесся к его визиту?

Означенный господин оказался бодрым толстяком со здоровым румянцем и поредевшими седыми волосами, тщательно зачесанными на солидную лысину.

— Дружище Бранд! — вскричал он с порога, распахивая объятия. — Сколько лет, сколько зим!

— Здравствуй, Бьюдер, — ответил свекор, как мне показалось, со смесью радости и неохоты. — Каким ветром тебя занесло в Ингойю?

— Да долго рассказывать! — отмахнулся гость. — Ты-то как здесь? Вижу, молоденькую женушку нашел?

И подмигнув мне, ослабил похабно.

— Нет, — кратко ответил господин Бранд, и мне вдруг показалось, что ему неудобно. — Это моя невестка, Мирра. Мирра, познакомься с Бьюдером, моим давним... приятелем.

Почудилось ли мне сомнение? Нет, не почудилось — свекор буквально фонтанировал запахом перца.

— Невестка? — переспросил гость с таким веселым недоумением, что мне стало не по себе. — Надо же, значит, твой дохляк таки вырос и женился?!

— Дохляк? — не выдержала я.

— Ну да! — А веяло от него... пожалуй, злобной радостью и ехидством — уксусом, настоящим на базилике, тархуне и чесноке. — Брандов сын — как там его зовут? — такой слабак был...

— Бьюдер! — В голосе господина Бранда клокотало возмущение.

— Так я что? — почти искренне удивился тот. — Я же правду говорю! Ты сам думал, что он не выживет! Помню, ты каждый вечер за игорным столом только и говорил, что о своем сыночке!

— За игорным столом, — снова повторила я задумчиво.

Вот, значит, отчего господин Бранд не имел собственного состояния, несмотря на благородное происхождение (о котором он любил всем напоминать). Теперь понятны также и его надежды на выгодную женитьбу сына...

Лицо свекра налилось нездоровой краснотой, как будто его вот-вот хватит апоплексический удар, и еще его паническое состояние выдавал запах — как бубен со звенящими подвесками: тимьян и мускус.

— Ну да! — подтвердил господи Бьюдер, растягивая в улыбке блестящие, словно от масла, губы. — Бранд только за столом и успокаивался! Правда, проигрался-то он подчистую.

— Бьюдер! — рявкнул господин Бранд, уже не сдерживаясь.

— Что? — невинно округлив глаза, спросил гость. — А, ты не хочешь, чтоб я болтал лишнее? Ну извини, извини. Я от радости совсем разум растерял. Но ты можешь меня заткнуть — кстати, что там у вас на ужин?

И засмеялся визгливо, отчего я едва сдержалась, чтобы не передернуть плечами.

Любопытные старые приятели у моего свекра, всяма любопытные! Зато теперь некоторые вещи встали на свои места. Значит, меня попрекали слабосильными детьми, рассказывая байки о богатырском здоровье Ингольва в детстве?

Кажется, вечер будет познавательным...

Я проснулась затемно и сразу спустилась вниз, мечтая о чашке крепчайшего кофе — черного-черного, с перцем, чтобы отчаянно заколотилось сердце. Он смое с тела липкую паутину сна, а с души — усталость. Болела голова, как будто кто-то воткнул нож в одну точку над бровью. И, как часто бывает при мигрени, мне чудилось зловоние — навязчивое, лезущее в нос.

Дом тихо вздыхал и сопел во сне, под ногами скрипели ступени. А я вдруг подумала, что уже не столь молода для таких безрассудных приключений. Последние дни напоминали водоворот, в который меня затягивало все сильнее и сильнее. Непрерывная череда событий изматывала, выпивала все силы.

Кофе, как же я хочу кофе! Глоток заемной бодрости, терпкая горечь...

И только распахнув кухонный шкафчик, я вспомнила, что вчера Сольвейг отправила мой любимый напиток в мусор, а подарок Петтера остался в «Уртехюсе». Разочарование было таким острым, что у меня едва не навернулись слезы на глаза.

Затем в моем усталом мозгу появилась спасительная мысль. Ведь можно обойтись маслом кофе — благо запас его у меня имелся. Найти заветный пузырек было делом нескольких минут. Не мудрствуя лукаво я нанесла масло вместо духов — на точки пульса. При-

крыла глаза, стараясь отрешиться от всего мира и наслаждаясь резким, пронзительно-горьким ароматом. Хм, пожалуй, действительно стоит сделать духи с кофейно-перечной ноткой и абсолютом какао. Ингольву они, разумеется, по вкусу не придутся. Разве что Петтеру... Впрочем, о мальчишке лучше вообще не думать, а уж тем более не прикидывать, какие духи ему понравятся!

У ароматов есть замечательное свойство — вытеснять все лишнее. Весь дом пропах рыбой, табаком или старыми портянками? Достаточно капнуть апельсинового или лимонного масла, чтобы все тяжелые и неприятные запахи смыло сверкающей росой цитрусового благоухания. Жаль, что с мрачными мыслями подобный трюк удастся не всегда.

Боль постепенно отступила — неохотно, маленькими шажочками, огрызаясь и скаля желтые зубы. Дождавшись, пока туман в голове развеется, я перебралась к туалетному столику. М-да, внешний вид мой в это утро вполне соответствовал настроению: рыжие локоны уныло обвисли вокруг лица, тусклая кожа так и просила эпитет «мертвенная», а у запавших глаз сгустились чернильные тени. «Бледная немочь!» — как говаривала моя няня. Бабушка просторечные выражения не одобряла, но тоже качала головой и прописывала мне для укрепления сил настойку женьшеня.

Хм, а вот это мне совсем не помешает, желательно курсом. Впрочем, нет, возбуждающие средства не стоит использовать, если нервы не в порядке, а в последнее время назвать себя спокойной и уравновешенной я не могла. Лучше уж сделать упор на валериану и пустырник — хороший сон стирает усталость значительно эффективнее, чем стимуляторы.

Теперь немного масла мяты и базилика, чтобы окончательно изгнать докучливую боль и вернуть румянец бледным щекам, на губы капелька бальзама с маслом корицы (отчего к ним сразу прилила кровь, а нос заще-